

Андрей Кулагин

Кулагин Андрей Всеволодович. Родился в 1963 г. Окончил Владимирский строительный техникум. Автор семи пьес, четыре из которых получили сценическое воплощение. Публикации в «Литературной газете», журналах «Красная Бурда», «Магазин Жванецкого». Пьеса «Желанная» вошла в короткие списки конкурсов «Время драмы» и «Автора на сцену!». Пьеса «Возле синих Звёзд» в коротком списке премии «Монодрама-2022». Живёт во Владимире. Работает машинистом сцены Владимирского академического театра драмы.

Возле синих Звёзд

пьеса

Мужской разговор в одном действии для одного, пока ещё действующего лица.

Квартира СТАРИКА. Повсюду расставлены и развешены фотографии (портреты). Какие-то ОН берёт и ходит по комнате, на какие-то просто оглядывается. А ещё ОН собирает вещи в армейский вещмешок. На самом деле СТАРИК не такой уж и старый. На нём голубая майка-тельняшка, на плече наколка «ВДВ».

СТАРИК. Одному лучше, одному хорошо. Хочешь – радио слушай, хочешь – телевизор смотри, хочешь – спи, а хочешь – бодрствуй. Слушал тут программу для полуночников «Доктор сон». Рассказывали про племя под названием коньяк, кроме шуток, есть такое в индийских джунглях, у них забава – отрезать кому-нибудь башку и поставить на полку. Типа вся сила в голове, и если ты её кому-нибудь отрубишь, то твоя личная значимость удвоится. В этом что-то есть. Особенно если убрать кого-нибудь башковитого. Во-первых, одним умником меньше, а во-вторых, на общем поредевшем фоне и ты уже не так бедно смотришься. Сейчас, говорят, они с этим делом завязали, ну-ну... Я нашёл в интернете портреты тамошних мужичков. Не похожи они на вегетарианцев, ой, не похожи. Сдаётся мне, не только у коньяков такая веселуха. У каждого отыщется своя полочка с головами. Главное – хорошо поискать.

Начинается игра с портретами.

Я, когда жену схоронил... Даже ещё не схоронил, только увезли, сразу сказал дочери и зятю – продавайте к чёрту эти хоромы вместе с мебелью и прочим ливером. Однушку мне найдите на первом этаже. Можно в панельном доме. А ещё лучше – землянку с буржуйкой. Она: «Папа!» А я: «Что папа? Папа дело говорит. Во-первых, удобно выносить. А во-вторых, я никого не пролью. Внизу холодно, а я люблю холодно. Люблю, когда руки стынут! С одной стороны, неудобство, а с другой – так приятно утеплиться, вскипятить чайку! Старики пахнут – это факт. Поэтому пусть лучше ветерки гуляют и прохлада». Жена сквозняков боялась, но и духоты не переносила, страдала от одного и другого. А я ни от чего не страдаю. Одному лучше, одному хорошо.

Я не бедный старичок, могу позволить коньячок. Но предпочитаю её. Беру самую дешёвую, дорогую покупать нет смысла. Открытие – водка никакая не горькая. Она сладкая. Просто её нужно употреблять аптекарскими дозами, как корвалол. Самое доступное из лекарств. И самое действенное. Просто нужно правильно принимать. Раз в сутки, но... непрерывно.

Одному хорошо, но совсем без людей тоже нельзя. Иначе их место займут призраки.

Показывает на портрет подростка.

Вот – лучший из гостей. Вообще не напрягает. Приходит, садится, ест яичницу, я в окно смотрю. Иногда перебрасываемся парой фраз.

Я: Сдохну, всё будет твоё.

Он: Дед, зачем мне эта халабуда?

Я: Продашь, машину купишь.

Он: Тема.

Дочь допытывается: чем питаешься? Почему не пользуешься бельём? Спишь одетым?

Я солдат. В любой момент может протрубить труба. Встретить костлявую в майке и трусах? Увольте!

Чем питаюсь? Да хоть бы чем! Купил картошки, сварил, съел. Захотел яйцо – сварил, съел. Никаких кастрюль, никаких прокисших супов. Всё свежее, всё на один раз. Дочь в растерянности. Одинокий мужчина по определению должен быть неухоженным, необихоженным. А здесь всегда проветрено, аскетично, вещи не валяются. Корзинка для грязной одежды пуста. У меня нет грязной одежды. Я её не коплю. Постирал, высушил, надел. Постирал, высушил, надел. Износил – выбросил. Это вы, женщины, молитесь порядку, как богу желанному и недостижимому. Всю жизнь ищайте на него, и что в итоге? Из хаоса вышли, в хаос ушли. А я не борюсь. Я просто исключаю из своей жизни беспорядок. Моя утрое приходила на кухню и начинала всё переставлять. Как в напёрстки играла. Я специально вставал пораньше и располагал всё так, как она располагала накануне. По точкам. Бесполезно – лепила мир заново. Я ничего не переставляю. Где поставил, там и стоит, никому не мешает. Одному хорошо. Одному лучше.

Квартирку мне нашли, как и просил, на первом этаже, но на пригорке. Даже балкон есть. Летом живу на нём. Вид изумительный: трансформаторная будка, отделение банка, круглосуточный чипок. Зря улыбаетесь – дислокация интересная. Возьмём банк. Возьмём банк!

Достаёт из вещмешка бинокль. Наводит резкость.

Могу составить идеальный план операции. Всех инкасаторов изучил. Кто как зевает, как чешется, как из машины выходит, в какую сторону смотрит, а в какую нет. Знаю, из каких кустов напасть, в какие уйти. В трансформаторной будке можно посадить снайпера. Сзади спрятать автомобиль. Вылетит – даже стрелять не придётся. По своим не стреляем.

Переходит от бинокля к чекушке.

В чипке я затариваюсь. Девки-продавщицы меня знают. Особенно одна – Марина. Пыталась здесь корни пустить, но я ей сказал – цыц! Не мечтай. Приходить – приходи, но не более того. Я был свиньёй по жизни, но помереть хочу человеком. Поняла. Или сделала вид. Но приходит. Мне понятно зачем, а ей? Простая девушка. Ну как девушка? Тридцать шесть лет, двое детей, живёт с родителями, перспектив ноль. Красивая, когда накрается, и вроде не стерва, но... Две-три краски, два-три жеста. Одни и те же. Водил её в кабак, мужики пялились. Но... две-три краски.

С кем не бывает скучно, так это с Викторией. Она является по ночам. Выходит из угла и бродит по комнате. Спокуха, все дома! По своей комнате ходит, не по моей. Не хватало, чтоб она ещё здесь ходила. Что у нас в том углу? Интернет у нас в том углу. Видеосвязь у нас в том углу. На территории потенциального противника есть место, называется Айдахо – та ещё дыра. Там мормоны – секта такая, картошку выращивают. Как в Белоруссии. Викторю мормонил один. По переписке. Уехала, как только границы открыли. Тогда многие хотели уехать. И что? Как говорится, ни сбывища, ни кривища. Скитается по каким-то коммуна. Сейчас в поиске. И ведь найдёт! У неё

с возрастом женское не прекращается и, похоже, не прекратится никогда.

Показывает детскую фотографию.

Это я.

Мальчик, ты кого больше любишь, маму или папу?

Хороший вопрос. Не соврёшь – не ответишь. Даже не вспомню, когда это началось. Очевидно – врождённое.

– Сынок, что?

– Пи-и-и-ить.

Бежит на кухню, возвращается с чашкой. А я не хочу, но пью. Потом сладостно выдыхаю, падаю на подушку:

– Спасибо, мама!

Мама счастлива. А я тем более. Заставил мир вращаться. А зачем? Ума не приложу.

Отец был помешан на спорте. Ни одной трансляции не пропускал. «Футбол-Хоккей» выписывал, был такой еженедельник на газетной бумаге. Смешное название, если подумать. Где футбол с его травяными полями и где хоккей с ледяными соплями? Но в мужском мире и не такое уживается. Футбол-хоккей, охота-рыбалка, вино-домино. У бати была мечта – ленинградский институт физкультуры. Ленинградский! Нравилось мне это слово – Ленинград. Тёплое оно. Петербург – красиво, но холодно. В Петербурге цари, в Петрограде революция, а в Ленинграде блокада!

*Город над вольной Невой,
Город нашей славы трудовой.
Слушай, Ленинград, я тебе спою
Задушевную песню свою.*

Музыка Соловьева-Седого, слова Чуркина. Физкультура физкультурой, а пошёл отец по инженерной части – бабка с дедом настояли. Сломали судьбу. Ходил потом всю жизнь с потухшими глазами, но в тренировочных костюмах. Синие трикотажные, с молнией. Кеды называл «кеты». Яшин, Брумель, Юрий Власов – его кумиры. Он верил, что они настоящие. Может, так оно и было тогда. Но не сейчас. Сейчас как ни включишь – всё биатлон. Круглый год бегут, стреляют, опять бегут, опять стреляют. А ты побегай, когда стреляют в тебя. Батя, мой долговязый, сухощавый батя, вечно пахнувший табаком и одеколоном «Шипр», задолго до репортажей метался по комнате с телевизионной антенной – настраивал и сам настраивался. Я путался под ногами, заглядывал в глаза, делал вид, что мне интересно: «Папа, как ты думаешь, наши выигрывают? А с каким счётом?» Поддержать его хотел. Защитить.

Эта, из чипка которая, считает меня интересным человеком. А чего интересного? Ничего. Долго приучал говорить «ты». Уже и переспали, а она всё «вы» да «вы». Я говорю, где тут «вы», я один, или позвать кого? Она: «Нет! Нет!» Чудо пучеглазое. У меня для неё всегда готова коробка конфет и бутылка марочного. Она чуть пригубит, закусит, а потом всё это уносит. Я заряжаю новую коробку и новую бутылку. Так же моя бабка делала. У нас были зелёные шторы с жёлтой полосой, и на них яблоки. Я однажды зимой шторку отодвинул а на подоконнике за напечатанным фруктом на фоне заледеневшего стекла настоящая живая антоновка. На другой день то же самое. И на третий. Чудо – на окне яблоки растут! Марина такая же дурочка. Но мягкая, тёплая, что ещё нужно?

А нужно ещё полрюмочки. Даже четверть.

Жена не была ни мягкой, ни тёплой – какой-то недостижимой. Аккуратная такая девочка, строгая. Я не отличался ни целомудрием, ни постоянством, шалопай шалопаем, но она почему-то выбрала меня. Посмотрела, подумала. Ещё раз посмотрела, ещё раз подумала. И взяла. И как взяла! Однажды... Мы уже жили приличное количество лет. Я погуливал, а жену ревновал. Сам гулял и сам же ревновал. И чем больше гулял, тем сильнее. Провоцировал, а она не велась. За всю жизнь ни одной сцены ревности, а ведь я подолгу дома не бывал. В девяносто пятом, после Гудермеса, завалились мы всем подразделением в кабак. Кто с супругой, кто с подружкой, один я соло. Моя подобными сборищами брезговала, я, говорит, вашу службу уважаю и вас, дураков, люблю. Но только трезвых. Под этим делом из вас такое прёт порой. Не хочу. Хозяин – барин! В кабаке нарисовалась одна живенькая. Поглядывала, на шутки реагировала, клеилась. Кабаком дело не ограничилось, пошли к кому-то на квартиру. Я позвонил – так, мол и так. Жена переспрашивать не стала. Гуляй – и положила трубку. Без иронии, без этого бабьего яда, типа гуляй-гуляй, догуляешься. Нет, спокойно, ласково даже. Можно сказать, благословила. Мне бы её услышать, но куда там, я уже был на взводе. Закончили пьянку, вышли на улицу. Толпа редет, кто на троллейбус, кто на такси, кто пешком. Живенькая жмётся: «Проводишь?» И вдруг вижу – все на нас смотрят. Все! Как на приведённых на расстрел. Рукой сделал и... через дорогу на красный. Бегом.

Пищит компьютер.

Вива лавива, вива – Виктория!

Убавляет звук.

Я про неё рассказывал. Точнее, ещё не рассказывал. Начнёшь – не остановишься. Дамка приятная во всех отношениях. Сирена! В смысле – сигнал бедствия. В молодости блоковскую незнакомку изображала – шляпки, вуали, цыганские шали. Куда ни придёт, там сразу как при цареватюшке: салон, музыка, романтические отношения. Закинет ногу на ногу, упрётся грудью в гитарную деку – ох и ах, роковая женщина! С советской властью была в контрах, это было модно. Нас, курсантов, господами кадетами величала. И ведь нравилось дуракам, думали, это всё шуточки, хиханьки. Никто из-за неё на дуэлях не дрался, не те времена, но несколько браков разрушила. Двоих мужей споила. Или троих? А сама держится – самодержица.

За что я её люблю... я вообще мало кого люблю, вы уже поняли? Так вот, я люблю Викторию и не отрубая ей башку только потому, что у неё отсутствует память. Какая-то оперативка есть, что-то заложено по умолчанию, но файлы живут не более одного дня. Рассказываешь ей анекдот – один и тот же, а она каждый раз смеётся. Женский алкоголизм, он, знаете ли... Я постарше, но помню всё. Лет с трёх. Правда. До такой степени всё, что аж противно. Вот вы знаете, кто в СССР был министром угольной промышленности? А я знаю – Щадов Михал Иванович. А до него? Братченко Борис Федорыч! Оно мне надо? А я знаю.

В училище это пригодилось. Старшина меня невзлюбил. За что? За характер, за язык без костей. Короче, решил он меня повоспитывать. Чисто по уставу. К исходу вторых суток я уже был не человек – мумия. Под утро, когда мне спать идти, нанёс он последний сталинский удар.

– Идешь, – говорит, – в ленинскую комнату и учишь наизусть всё цека кэпэесес. И если завтра не расскажешь, полетишь в наряд по третьему кругу.

Я ни живой и ни мёртвый дополз до ленкомнаты, включил свет, подошёл к иконостасу, глянул на эти бошки: «Тьфу!» – и пошёл спать. Только смежил веки – меня трясут. Он.

– Ты что, – говорит, – курсант, совсем страх потерял?

– Никак нет, товарищ старшина, – и как начал ему чеканить членов Политбюро, а потом и кандидатов по именам, отчествам, должностям. Дослушал, ни слова не говоря, встал и пошёл из кубрика. А в дверях обернулся и уже миролюбиво:

– Живи.

А я и не учил вовсе. Я, ОКАЗЫВАЕТСЯ, их всех знал. Откуда? Из газет, из программы «Время»... Из воздуха.

Воздуха!

Открывает форточку. Жадно дышит.

Зимой воздух.

Кого я вижу! Сладкая парочка. Баран и ярочка.

Выключает свет. Приникает к окулярам.

Сейчас будет дело.

Каждый раз одно и то же. Мужик... так себе мужик, такой же списанный, как и я, и собака – бородатая, как хозяин, и такая же бестолковая. Он идёт в чипок, а она ищет, где бы в ведомости расписаться. Дерево или сугроб её не устраивают. Ей подавай машину. Их вон сколько – выбирай любую. Так ведь нет, подписывает исключительно дизеля. Очевидно, пёс в прошлой жизни был камазистом или трактористом. Сегодня «Опелю» подфартило.

Во дворе визжит автомобильная сигнализация.

Куда она им там заливает, что они так орут? А я кое-что придумал.

Берёт мобильник, звонит.

Марина! Подожди, помолчи. К вам клиент спускается... Да-да-да. Дай ему трубочку. Ничего не объясняй.

Меняет интонацию.

Слышь, ты! Когда своего кабыздоха привязывать будешь? Выйди посмотри, что этот урод с моей машиной сделал.

Отключает связь.

Выбежал. Запыхался. Снежинки ртом ловит. Смотри не обделайся. (Передразнивает.) Жуля! Жуля! Дебила кусок.

Звонит телефон.

Что? Кто? Чей отец? Я, Марина, тоже чей-то отец. И у меня тоже, если ты заметила, сердце. Не уверена? А ты проверь.

Отключает связь.

Какие все гуманисты. Но гадить-то зачем?

Лично я к старости готовился. Кроме шуток. Я по гражданской специальности строитель. Привык планировать. Когда на пенсию попёрли, сколотил бригаду из таких же

неприкаянных. Взял на отделку собес – объект копеечный, но я туда по три раза в день наезжал. А знаете почему? Там старики. Любые, на выбор, как в зоопарке. Ходи, выбирай, примеряй на себя. Мы с внуком однажды были в зоопарке. Там есть такое... я не сразу понял, но потом оценил. Короче, идёшь и видишь – орёл. И табличка – Ринат Давлетян. Я допускаю, что какой-то там Ринат Давлетян – по жизни орёл. Но чтоб орёл – Ринат Давлетян, этого я вместить не могу. Идём дальше – лошадь Пржевальского. Точнее – конь со всеми характерными признаками. И надпись – Ольга Жерех. Спрашиваю человека с метлой.

– Это спонсоры! Понравился состоятельному человеку конь – берёт над ним шефство. Глянулся орёл – начинает опекать.

Понимаю. И Рината, и неведомую Ольгу. У психологов это называется проекция. Когда свои желания приписываются кому-нибудь или чему-нибудь.

Спрашиваю, а обезьян от депутатов или звёзд шоу-бизнеса нет?

– Нет, – говорит, – обезьянам спонсоры не нужны. Их и так все любят.

Кого бы взял я? Волка! Я пацаном видел волка. И не в зоопарке, и не в лесу – в городе. Вот как вас сейчас. Тоже ночью, тоже зимой. Сегодня, что ни вспомню – всё зимой. Я за книжкой засиделся, захотел покурить. Чтоб не палиться, взял ведро и пошёл на мусорку.

Мороз был – аж звенело. Иду, валенками скриплю, папирску тяну – хорошо. Район заводской – сараи, бараки, частный сектор. И возле бань на перекрёстке баки. Лампочка на столбе перегорела, зато луна палит, что твой прожектор. Вижу – в лунной дорожке стоит собака. Метрах в пятнадцати – двадцати. Пригляделся – ушки закруглённые, лапы мощные, хвост прямой – он, санитар леса.

Пришёл в помойке покопаться. Сказать, что испугался, – не сказать ничего. Негнущимися руками вытряхиваю из ведра, а ноги как ботинки водолаза – свинцовые. И этот стоит, как Акела на совете стаи. Помните: «Мы с тобой одной крови!»? Ага. Мне лет пятнадцать было. Да хоть бы сколько – зверь, что у него на уме? В частном секторе то собака залает, то петух заголосит, дело к утру. А тут ни людей, ни машин, одно звёздное небо над головой и нравственный закон... в районе пяток. Не помню, как ушёл. Давеча памятью хвастался, а как от него смылся – стёрлось. Зря боялся, это был не мой волк. Мой ещё где-то ходит.

И вообще. У меня есть реликвия.

Ставит на стол старый фибровый чемоданчик.

Дедов.

Щёлкает замками.

Бабка, умница, сберегла.

Открывает, достаёт фотографию.

Майор, политрук, орденосец. Сейчас слов таких не знают. Раньше в фильмах писали: оператор такой-то, артист такой-то – орденосец! Дед за Хасан Красную звезду получил. Не на шапку – на грудь, орден Красной звезды – самый боевой из всех. Кто мне скажет, что случилось на озере Хасан в тридцать восьмом году? Кому задницу надрали? Правильно. Где теперь Хасан и где Япония? «Хотят ли русские войны, спросите вы у тишины». Музыка Колмановского, слова Евтушенко. На карту гляньте. Какая страна от края до края? Кто это всё разведал,

присоединил, освоил? То-то же. Воевали, воюем и будем воевать. Выбора нам не оставляют. Судьба такая. А в чемоданчике ещё кое-что.

Показывает.

Ватерпас. К деду от прадеда перешёл. Тот плотником был – библейская профессия, между прочим. Такая же, как и воин. Тридцать три года, сын плотника, коммунист. В сорок первом пропал без вести – бабка без пенсии осталась. Одна тащила двоих ребят. Потом внуков.

Возвращает фото в чемодан.

Я этим приборчиком всю свою жизнь поверяю. Надёжная вещь. Безошибочная.

Убирает ватерпас.

Виктория, девочка моя, ты ещё здесь? Поговори со мной. Спой песенку, расскажи стишок, ты же вечно что-то сочиняешь. Почему тебя не слышно? Опять что-нибудь не туда воткнула? Если меня слышишь – кивни. Не получится? Тогда давай тяпнем. Я казённой, а ты шипучки из баночки. Давай, хорошая. Твоё здоровье! Моё вырезали, но я ещё огурец по сравнению с тобой, ай да, ты же слышишь, только сказать не можешь. Впрочем, всё равно забудешь. Нет-нет. Это я себе. Это я с собой.

Знаешь, кого я на днях видел? Алёшу. Какого Алёшу? Того самого, про которого говорили, что он священником стал. Вспомнила? Ещё бы ты не вспомнила! Он когда появился, все девки всполошились: какой мальчик,

какой мальчик! Пока решали, кому достанется, он сквозь вас и прошёл. Нашёл жену не из богемы. Нормальную. Так вот, никакой он не священник. Он типа дьякон. Или иподьякон? Неважно. Не священник, так. Я в их делах не смыслю, зашёл в собор за погибших пацанов свечку поставить, а там он с портфельчиком, переодетый уже, узнал, обрадовался, пойдём, говорит, в рюмочную, я деньги получил. Пост вроде, а он: «Да ты и так всю жизнь на посту, служивый». Пошли. Сначала он заказывал, потом я. И знаешь что? «Три старика» – настойка такая. Смеялись. Три старика, не три – много не натрёшь. Я ведь, Викуля, у него когда-то женщину увёл. Подружку твою Таню Сосновикову. Не знала? Он сох по ней не по-детски. А она уже была девушка развитая. Художниками интересовалась – классиками и современниками. Особенно современниками. Мы в компании сидели, вижу – Лёша упёрся в Таню взглядом и вот-вот начнёт подъезжать. А мне это не в перенос. Не люблю, когда не я и не мне. Шепчу: «Нас с тобой Альберт приглашает в мастерскую». Альберт тогда был самым-самым, если ты помнишь. Танюха сразу клюнула, аж ноздри раздулись. Сапожки надела, шубку схватила – и к выходу. Алёшенька нас только взглядом проводил. Ни к какому Альберту мы не пошли, за наглую ложь я сумочкой по башке схлопотал. Затащил её в бар, накачал коктейлями, сто анекдотов рассказал, она смеялась до икоты. Но дальше поцелуев не дошло. Она была девушка умная, не дешёвка. И про Алёшу всё поняла, даже поблагодарила, что избавил. Избавил! Через несколько лет, когда он уже был непоправимо женат, она дала знать, что не против бы. С ним, не со мной.

«И как?» – спрашиваю.

А он: «Да никак! Я испугался».

«В смысле?»

Он: таких женщин надо любить. Понимаешь?

«Нет, – говорю, – не понимаю. У меня было много женщин. Но любил я только свою жену».

Он: «Так и я свою любил».

«И что?»

«Ничего! Таньку я мог полюбить сильнее. А это была бы катастрофа».

Какой интересный человек Алёша – испугался любви! И за любовь испугался.

«А сейчас, – говорю, – как у вас с женой?»

Он: «В смысле?»

Я: «Ну как вы с ней?»

Он: «Да никак. Четверо детей. Внуки».

Я ему: «Что значит никак?»

Он: «А вот так и значит. Сколько ж можно?»

«Какая же ты скотина! – говорю. – И с Таней не стал, и жену бросил».

У него глаза по пятаку.

«Что значит бросил?»

«А то, – говорю, – что любимая женщина лично для тебя не должна стареть. Ты её в молодости добивался?»

«Добивался, но сейчас-то что?»

«А вот то, – говорю. – Ты пропустил самое интересное – вторую молодость. У мужчин первая не заканчивается. А у женщин бывает вторая молодость. И поверь мне, это даже лучше, чем первая. Вот моя упорхнула на рассвете. Растаяла как облачко. А у тебя живая, а ты по рюмочным сидишь, философствуешь».

Короче, свёл всё на шутку. Но гвоздь ему в башку загнал. Пусть ходит с ним. Любить он испугался, ишь какой!

А про облачко – это не я придумал. Это из детства. Был у меня краткосрочный приятель – Вася-москвич, вся наша дружба уместилась в одни зимние каникулы, но след оставила на всю жизнь. Его дед жил в нашем подъезде

и преставился в тот же год. Васю я больше не видел. Но те десять дней, что мы провели вместе, потрясли мир. Мой личный мир. Это единственный человек на моей памяти, который полностью интеллектуально и эмоционально меня подавлял, но при этом не только не раздражал, но наоборот – восхищал. Десятилетний вундеркинд, перпетум мобиле. Всё умёл, всё знал, всё подмечал. Холода стояли – не то что сейчас. Но детей это не останавливало. И тогдашних родителей не останавливало. Нам позволяли гулять, и мы гуляли. Пещеры рыли, горки заливали, сосульки грызли, с крыш сараев в сугробы ныряли. Однажды залезли на какую-то конструкцию.

– Смотри, – говорит Вася, – что покажу.

Набрал слюны и плюнул. Плевок упал на стальной лист и превратился в ледяное монпансье. В самый момент застывания от него отделилось облачко пара. Я тоже плюнул, и то же самое – ледяная капля и облачко.

– Знаешь, что это? – страшным шёпотом обдал меня Вася. – Это вырывается душа.

Ещё полрюмочки!

*Ночь прошла, будто прошла боль,
Спит Земля, пусть отдохнёт, пусть.
У Земли, как и у нас с тобой,
Там, впереди, долгий, как жизнь, путь...*

Это была наша с дочкой любимая. Музыка Чернышёва, слова Рождественского.

*Я возьму этот большой мир,
Каждый день, каждый его час,
Если что-то я забуду,
Вряд ли звёзды примут нас.*

Если что-то я забуду,
Вряд ли звёзды примут нас.

Маленькая была – любила слушать про космос, про дальние страны.

Я возьму щебет земных птиц,
Я возьму добрых ручьёв плеск,
Я возьму свет грозových зарниц,
Шёпот ветров, зимний пустой лес...

Космос оказался летающей помойкой, а дальние страны – езжай не хочу! Не хочу.

Я возьму этот большой мир,
Каждый день, каждый его час,
Если что-то я забуду,
Вряд ли звёзды примут нас.
Если что-то я забуду,
Вряд ли звёзды примут нас.

Виктория, ты плачешь? Поплачь. Тут выступал один. Его спросили – воспитывает ли искусство. Он, – что вы, что вы, «Война и мир» и Сороковая симфония написаны, а никто лучше не стал. Дурак. Карабас Барабас, когда чихал – и то добрее делался, пусть и на пару минут. Когда такое слышу (я про песню), то если и не становлюсь лучше, то хотя бы хуже не делаюсь.

Я возьму память земных вёрст,
Буду плыть в спелом, густом льне.
Там вдали, там, возле синих звёзд
Солнце Земли будет светить мне.

Как сказал один профессор: «Некоторые виды бананов зацветают ночью и опыляются летучими мышами».

Где-то в начале девяностых меня зацепило осколком. Выписался, оформил путёвку в край магнолий и пальм. Конец апреля, теплынь, картошка цветёт, а приезжих нет. Два гордых народа затеяли небольшую войну и всех курортников распугали. На три здоровенных корпуса одиннадцатнадцать душ отдыхающих – на пищеблоке и то больше работало. В обеденном зале из квадратных столов составили один прямоугольный, и мы за ним собирались, как в детективах Агаты Кристи. Была даже своя мисс Марпл – любопытная старушка в панамке. Я приехал на трёх ногах – швы ещё не зажили, ходил с палочкой, как чеховский персонаж. Не до подвигов. А повод был, и звался он, точнее она: и. о. главного врача Ирина Витальевна Лань. Я всегда был неравнодушен к женщинам в белых халатах. Особенно если на голое тело. А тут ещё красивый поворот головы, приятная, несколько изнеженная полнота рук, доброжелательность во взгляде карих, реально ланьих, косульих глаз. Умная, но одновременно какая-то несамостоятельная, несмотря на должность. А впрочем, что это за должность – и. о. У меня на таких чуйка. И все приёмчики отработаны. А тут я сам раненый. Она меня осмотрела, прослушала, прощупала, все мысли прочитала:

- В ближайшее время никаких телодвижений.
- Вы меня хороните?
- Я вас берегу. У меня был братик непутёвый. Сбежал из стационара после операции на желудке, больничная пища ему, видите ли, прискучила.
- Ну, и?..
- Сварил кастрюлю киселя, налопался и умер.
- У вас московский говор. Не местный.

– Я там училась, жила. Но вернулась к родителям. Под крыло.

Смотрит в окно. Там мальчик лет шести бегает по склону, собирает виноградных улиток. Вот таких, с будильник.

Каждый день ходил. Точнее ковылял. Она работой не была перегружена, и мы подолгу перемещались среди пальм, эвкалиптов, агав, даже банан был. К концу срока я окреп. Рискнул пригласить в ресторан.

Она: «Мне ещё здесь жить. Поступим иначе. Вы купите чего-нибудь, а я одно местечко покажу. Эту гору осилите?»

«Думаю, да».

«Ну и отлично».

На другой день, ближе к вечеру, начали мы наше восхождение. Шли, держась за руки, но не как пионеры на свидании, а как туристы – помогая друг другу. Карабкались, цеплялись за кусты, перелезали через валуны. Ей очень шёл спортивный костюм. Даже больше, чем халат. Она в нём не выглядела неженкой. Когда козьи тропы закончились, мы в изнеможении плюхнулись на траву.

– Смотрите... какая... красота! – отрывисто сказала она. – Вся бухта... как... на ладони.

– Да, – держась за бок, ответил я, – пейзаж что надо.

И тут же высказался в том смысле, что у нас целых две бутылки вина:

– На обратном пути скатимся с обрыва.

– Нет, – сказала она, – ничего не скатимся. Мы пойдём по асфальту. Здесь рядом шоссе. Слышите?

Звук проезжающего автомобиля.

– Зачем же было всё это?..

– А чтобы на глупости сил не осталось! – она затряслась в беззвучном смехе и уткнулась мне в плечо. Ещё болело, но я не мог не рассмеяться.

Санаторий до сих пор функционирует. А вот буду ли функционировать я – вопрос. Волк уже вышел из леса. Уже в городе. Мой волк.

Эти ребята из племени. Нравятся они мне – ни одного похожего. Разве что рожи у всех одинаково свирепые, а так у каждого свой стиль. Может быть, даже свой стилист. Порванные уши, проколотые носы, ожерелья из рогов и копыт! Не то, что нынешние викинги гламурные из барбершопов. Я тут встретил одного великана. Вылетел из-за угла на самокате, чуть не сбил. Рыжий, бородатый, весь как из собачьей парикмахерской. Тут у него одно, тут другое... на макушке пучок. Представил его в окопе. Там порой не то, что помыться-причесаться – почесаться бывает некогда. Внук на предплечье татушку захотел. Стоит три тысячи. Мать денег не дала, а я пожалуйста – хоть на лбу. Только имей в виду – этим ты отдаёшь себя во власть духов. Думает – шучу. Показываю фотки коньяков:

– Видишь какие! А им нет и сорока. Тоже так хочешь? Опять же, в армию с таким дизайном...

– А я, – говорит, – не пойду. Почему я должен кому-то или чему-то служить? Я что, слуга?

– Ты мужчина.

– И должен хотеть воевать? Это тебе война по кайфу. На пенсии, а всё в камуфляже – зимой и летом одним цветом. В туалет строевым шагом. А я не буду.

– Юморист. Ты вокруг оглянись, на мать посмотри, вспомни прабабку-покойницу. Женщины – они тоже служат, семье, детям. А уж мужик...

– Мир изменился.

– Мой нет. Я возьму этот большой мир, каждый день, каждый его час. Если что-то я забуду, вряд ли звёзды примут нас. Есть у вас такие песни? А ведь звёзды, что в небе, что на погонах, что у деда на груди – одни и те же. На земле не всех в приказах отмечают, а там... (показывает наверх) у каждого есть звёздочка. Своя. Я в таких местах бывал, где Большая Медведица только в два часа ночи из-за горизонта выглядывает. Осторожно, как из укрытия. Ты думаешь, почему я допоздна на балконе торчу? Курю, бормочу сам с собой? Да не с собой – с ними. С товарищами моими.

Воевать мне по кайфу? Мне возвращаться по кайфу. А потом, это тоже правда, вновь собираться в дорогу. Люблю дорогу. Не знаю, есть ли в вашем лексиконе слово «Родина». В моём есть. И слово «долг» тоже есть. Не кривись, доедай яичницу и дуй домой. Сегодня ты меня не порадовал.

А я ведь ему книжки читал. Про русских богатырей, про меч-кладенец, про бой на Калиновом мосту. Нравилось, глаза горели. Кто ж их потушил так рано? И что с этим делать? Как снова зажечь?

Я ведь тоже меченый. Не напоказ (предъявляет ВДВшную наколку) – для себя. На тыльной стороне ладони – еле заметный шрам. На цифру пять похожий или на латинскую «S». Silence – молчание. В молодости согнул проволоку, накалили... А потому, что никогда ничего не нужно про себя рассказывать! Ни жене, ни другу, ни даже Богу. Разве что Виктории. И сознаваться тоже нельзя. Сознался – считай, пропал, обратного хода нет. С ножом возле трупа застали, на вскрытом сейфе, на чужой жене – не я! не я! не я! Будь как граф Монте-Кристо – человеком-загадкой, и тебя будут ценить, уважать и даже любить.

Странные вещи говорю? А ничего странного. Какой самый главный женский вопрос? Ну, кроме «где деньги?» Я о чувств-вст-вст-вах. Вот двое на брачном ложе – любовь, нежность, одно тело, одно дыхание. Уже слетали, уже приземлились, обессиленные, счастливые. Казалось бы, что ещё нужно? Так ведь нет – поворачивается, смотрит:

– О чём ты думаешь?

Можно ли в таком состоянии о чём-либо думать? А она:

– О чём ты думаешь?

На это нужно отвечать взглядом, жестом, прикосновением, но только не словами. Слова как вода, всё смывают, растворяют, уносят.

А она хочет именно слов, она их жаждет. Не давай. Не опустошайся. Вычерпанный колодец никому не нужен.

Останешься один – наговоришься. Досыта.

Доктор звонил – палата готова, операцию откладывать нельзя. Я сумку собрал, а потом разобрал. Книжки, карточки, тапочки – тьфу! Всю жизнь кромсают-полосуют, пенсия по инвалидности вместе с боевыми – зять на работе столько не получает. По бумагам давно не жилец, и тем не менее сижу, водочку пью, Марину жду.

Жене тридцати не было, когда однажды... Мы за город поехали. Черника-земляника-бабочки-стрекозы-сосны-небо-тишина-дочка бегают. И вдруг моя говорит:

– Не я, ты меня будешь хоронить.

С чего это она? Зачем? Почему? За что? Я, когда от той живенькой слинял, не сразу понял, что бегу. Район не освещали. Только луна да свет в окнах. Несколько раз падал. Больно. Вошёл... Она в детской на диванчике замерла, приподнявшись. Носом кровь пошла, вот только что. Минутой позже – не знаю, что бы было. Притащил полотенца – мокрое и сухое, перенёс в спальню. Обнял её

и простоял на коленях не меньше часа. Каялся, клялся, но молча, про себя. Уже был учёный. (Показывает на шрам.) Утром всё забыл.

Не люблю утро. Ночь – хорошо, вечер – неплохо, день – туда-сюда, а утро ненавижу. Утро – вор, грабитель, разрушитель снов. Точно знаю – на операционном столе не загнусь. Уйду утром, как жена. Я ведь тоже однажды «пропал без вести», однако вернулся живой, хоть и не здоровый, ну и накалдырился на радостях, перебрал, скорая приехала, но жена не отдала, сама надо мной тряслась. А мне приятно, мне хорошо, как в детстве с мамой. Проснулся, оживаю. Поворачиваюсь, а ангел мой хранитель отходит. Обняла меня, вздрогнула и... как капелька на морозе. Чистая, прозрачная, родная. Другого слова нет – родная. По молодости я психованный был. Двери пинал, стулья ронял. Она: дурак, дурак, что делаешь? А я остановиться не могу. «Сам сломал, сам починю!» Это в сказках – окропил мёртвой водой, потом живой, срослось – и всё в порядке. Мёртвой воды полный буфет, а живая ушла.

Не смотрите. Плохо мне.

Через некоторое время.

Ведь если всё так, как обещал этот десятилетний пророк, то что есть жизнь? Плевков на ветру? Капля слюны на стылой земле...

«Дурак, дурак, что делаешь?»

Берёт телефон. Включает.

Марина, не надо. Не приходи.

Проводит ладонью по горлу. Отключает связь.

Будь я художником, нарисовал бы картину – огромную, на всю стену. Закатный свет, тропа, устремлённая ввысь. Голые камни, редкий кустарник – проходное место, главное там! Непрерывной цепочкой идут люди. Монахи, богатыри, суворовские солдаты, дед-политрук с женой и дочками, жена, товарищи мои армейские. Ни одного грустного лица. Ни одного.

Виктория, негодная... к строевой, ты звук наладила? Эй, Америка, ау!

ГОЛОС ВИКТОРИИ. Не ори, не на плацу.

СТАРИК. Заговорила!

ГОЛОС ВИКТОРИИ. Ты куда собрался?

СТАРИК. Слышала, что доктор сказал – операцию откладывать нельзя! А спецоперацию – тем более. У меня внук – пацифист. Кому чемоданчик передать? Кому-то ж надо. У тебя налито? У тебя всегда налито. Тогда – выходи строиться! Музыка Чернышова, слова Рождественского.

Поёт, как строевую песню:

Я возьму этот большой мир,
Каждый день, каждый его час.
Если что-то я забуду,
Вряд ли звёзды примут нас.

Что порожняком сидите? Включайтесь!

Если что-то я забуду,
Вряд ли звёзды примут нас.

Берёт вещмешок, уходит.

2020–22

КОНЕЦ